

ДИСКУРС РОССИЙСКИХ СМИ О ПСИХОНЕВРОЛОГИЧЕСКИХ ИНТЕРНАТАХ

Екатерина Руднева

Екатерина Руднева, лаборатория антропологической лингвистики, Институт лингвистических исследований РАН; Российский государственный гуманитарный университет. Адрес для переписки: ИЛИ РАН, Тучков пер., 9, Санкт-Петербург, 199004, Россия. katja1985mt@yandex.ru.

Исследование проведено при поддержке гранта РНФ № 19-78-10081 «Политкорректность в русском языке и в русской культуре».

Автор выражает благодарность Анне Клепиковой, Анне Алтуховой и Дмитрию Колядову за обсуждение части материала на раннем этапе, а также анонимным рецензентам журнала «Laboratorium» за ценные замечания.

В последнее время психоневрологические интернаты (ПНИ) все чаще оказываются в центре внимания: ряд общественных организаций выступает категорически против этих учреждений, выходят репортажи в жанре расследования. И хотя параллельно воспроизводится дискурс, поддерживающий эту систему, руководители интернатов, чиновники и журналисты вынуждены так или иначе учитывать более прогрессивные идеологии оказания социальных услуг. Цель данного исследования – проанализировать современный дискурс о ПНИ на примере 17 видеорепортажей, снятых в 2012–2020 годах на предмет того, как именно рассказывают о проживающих в закрытых учреждениях, какая им отводится роль, с помощью каких языковых средств создается образ интерната. Основной метод – критический дискурс-анализ. Кроме того, наименования, которыми проживающие в ПНИ обозначаются как отдельная категория граждан, собраны в базу данных для сопоставительного анализа (229 случаев). По тому, как они оценивают интернатскую систему в целом, дискурсы составляют континуум, на одном из полюсов которого – поддерживающий ее дискурс, а на другом – выступающий категорически против. Основные идеологии дискурса, поддерживающего систему ПНИ, отсылают к заботе об «обездоленных», «измученных болезнью душ»; опеке над теми, кто не может жить самостоятельно; охране подопечных; ограниченности их потребностей; «особенности» (которая, будучи формально более политкорректной, обосновывает проведение границы между группами людей и оправдывает их изоляцию). Дискурс, выступающий против системы интернатов, транслируется представителями общественных организаций и подчеркивает, что среди пациентов есть здоровые и дееспособные; последовательно проводит аналогию с тюрьмой; показывает опыт успешных «ПНИшников», которым удалось «выйти на волю». Во всех репортажах в той или иной степени проступает патерналистская идеология, а роль подопечных ПНИ, как правило, ограничена и сводится к их минимальным ответам на вопросы или вовсе исключительно визуальному фону. В последние годы – когда стали сниматься репортажи, аргументированно выступающие против системы ПНИ, – можно вести речь о переходном периоде, среди прочего характеризующемся размытостью терминологии. Однако в то же время в СМИ представлена компромиссная позиция, а поддерживающие систему дискурсы по-прежнему воспроизводятся.

Ключевые слова: психоневрологические интернаты; ПНИ; дискурс СМИ; критический дискурс-анализ; политкорректность; дискурс о людях с инвалидностью

В последнее десятилетие проблемы инвалидности, а также изоляции людей в закрытых учреждениях стали чаще обсуждаться в российском публичном пространстве. Тому есть две причины. Во-первых, Россия ратифицировала Конвенцию ООН о правах инвалидов и ориентируется на опыт европейских стран. Во-вторых, возросла активность некоммерческих организаций, выступающих за права стигматизированных групп. Внимание привлекли и те, кто проживает в психоневрологических интернатах (ПНИ)¹ (см. также Клепикова 2018; Klerikova 2019). Ранее журналисты почти не интересовались «получателями социальных услуг», по тем или иным причинам исключенными из общества, – теперь же о них стали говорить публично. Ряд общественных организаций выступает против системы ПНИ, рассказывая нелицеприятные подробности о жизни в них: помещении в изолятор, телесных наказаниях, отсутствии необходимого ухода за больными, принудительном лечении психотропными препаратами и др. Подобная информация публикуется в социальных сетях – в частности, в сообществе «СТОП ПНИ»², цель которого – «ликвидировать в стране гетто для людей с особенностями развития».

ПНИ предоставляют прежде всего социальные услуги и часто становятся местом проживания с 18 лет на всю жизнь. В эти учреждения попадают люди с различными физическими или неврологическими нарушениями при сохранном интеллекте; с психиатрическими диагнозами; выпускники детских домов, у которых нет своего жилья, и др. Отечественная система интернатов для взрослых была создана в послевоенное время и с тех пор не претерпевала значительных изменений³. Однако многим пациентам подходят другие варианты предоставления услуг, например, сопровождаемое проживание. По мнению главы министерства труда и социальной защиты, «до 45% жителей ПНИ могут жить за пределами интернатов (получая обслуживание и сопровождение)» (Медуза 2020), а 40 тысяч подопечных являются дееспособными (ЛЕН 2019). В последние годы идет обсуждение реформы интернатской системы. Быть более гибкими в выборе формата помощи людям с инвалидностью поможет принятие закона о распределенной опеке (сейчас и опекуном, то есть гарантом соблюдения прав жителей интерната, и попечителем – исполнителем услуг – является сам ПНИ в лице директора) (ПРАВ 2019; Семенов 2020). Начавшие публично выступать руководители учреждений оказались вынуждены так или иначе учитывать современные идеологии оказания социальных услуг и подыскивать правильные для этого слова.

¹ На сегодняшний день в России работают около 600 интернатов, в которых, по данным главы Роструда, проживают более 155 тысяч человек (Интерфакс 2019).

² https://www.facebook.com/stoppni/about/?ref=page_internal.

³ Подобные интернаты существовали и в других странах, включая США: они создавались во второй половине XIX века, но большинство из них были впоследствии реформированы. Уместенная отсталость в историческом контексте США подробно рассматривается в работе Джеймса Трента (Trent 1995).

Несмотря на возросший общественный интерес, жители ПНИ по-прежнему остаются одной из стигматизированных групп. Поэтому то, как о них рассказывают СМИ, какие слова используют и какой образ создают, играет важную роль в поддержании этой стигмы. Дискурс о ПНИ связан с двумя другими дискурсами – о людях с инвалидностью и о закрытых учреждениях, – ставшими в России более заметными за последние десятилетия.

Цель данного исследования – проанализировать современный дискурс о ПНИ на примере видеорепортажей СМИ, ответив на следующие вопросы: как рассказывают о проживающих в закрытых учреждениях и какая им в этом рассказе отводится роль; с помощью каких языковых средств создается образ интерната и какой показана жизнь в нем; какие идеологии и социальные отношения представлены в дискурсе. В качестве основного метода выбран критический дискурс-анализ, основные положения которого вкратце представлены в следующем разделе.

ПОНЯТИЕ ДИСКУРСА

Критический дискурс-анализ рассматривает язык в контексте социальных, культурных и политических процессов, которые отчасти осуществляются на уровне дискурса (Fairclough and Wodak [1997] 2010:101). В центре внимания исследователя оказываются языковые и визуальные особенности текста, его производство и функционирование, влияние на существующий порядок дискурса (например, меняется он или воспроизводится) и на более широкий набор социальных практик (Фэрклоу 2015:508). С точки зрения этого подхода, слова употребляются не случайно, и, следовательно, можно выявить стоящие за ними смыслы и идеологии, далеко не всегда осознаваемые носителями языка и часто представляющие собой ложные или скрытые конструкты общества (Fairclough and Wodak [1997] 2010; Reisigl and Wodak 2009). Так, дискурс об инвалидах советского времени можно изучать, анализируя фильмы и литературу исследуемого периода с их участием, а также публикации в СМИ и тексты публичных выступлений, где эта тема затрагивалась. При этом подробно рассматриваться будет не только то, как об инвалидах говорят другие персонажи и реальные личности и какие слова при этом используют, но и визуальные образы, сюжетные роли, а также общий исторический контекст. Результаты такого исследования отражают представления о людях с инвалидностью в определенный период, а также то, как эти представления создавались, какие за ними стояли социальные практики и отношения.

В работах по дискурс-анализу применяется качественный междисциплинарный подход, сочетающий наработки разных направлений лингвистики, антропологии, социологии, психологии (подробнее об истоках дискурс-анализа см., например: ван Дейк 2000:114–121). Анализируемый текст разбивается на тематические блоки, при этом важен их порядок, так как происходит «структурирование по принципу релевантности» – «представление важной информации в начале сообщения» (132–133); осуществляется анализ структур микро- и макроуровней, а также их взаимосвязи. Ключевыми характеристиками дискурса СМИ являются ориентированность на аудиторию и отсутствие спонтанности (O’Keefe

2011). При этом в видеорепортажах, в отличие от письменных публикаций, доля спонтанности все-таки присутствует – например, в некоторых случаях, когда берется интервью.

Как утверждает Тен ван Дейк, одна из целей критического дискурс-анализа – лучше понять социальные проблемы. Более того, по его мнению, исследователи занимают «четкую социополитическую позицию: они прямо высказывают свою точку зрения, интересы, принципы и цели как в рамках своей научной дисциплины, так и общества в целом», надеясь, «хотя и не всегда обоснованно, как-то изменить ситуацию при помощи критического ее понимания» (ван Дейк 2015:443).

РОЛЬ ЯЗЫКА В СТИГМАТИЗАЦИИ ГРУППЫ ЛЮДЕЙ

В XX веке исследователи обратили внимание на то, что одни и те же состояния организма могут считаться нормальными в одних сообществах и нездоровыми в других (Benedict 1934⁴). В социальных и антропологических исследованиях получила развитие социальная модель инвалидности, изначально зародившаяся как общественное движение (Shakespeare 2010). В ее основе – идея о том, что барьеры для людей с инвалидностью создаются во многом не собственно их недугами, а обществом, и таким образом инвалидность можно рассматривать как социальный конструкт. В частности, Джеймс Трент, автор книги «Изобретение слабоумия», определяет умственную отсталость как «конструкт, значение которого меняется под влиянием индивидов, иницирующих и осуществляющих политику, программы и практики, а также социального контекста, на который эти индивиды ориентируются» (Trent 1995:2).

Антропологи и социологи исследуют, как создается образ инвалида в конкретном обществе, изучая репрезентации в СМИ, массовой культуре, произведениях искусства (см., например: Ярская-Смирнова и Романов 2009; Bogdan 1988; Rodan, Ellis, and Lebeck 2014). Ссылаясь на подход Ричарда Ризера (Rieser 2004) и Колина Барнса (Barnes 1992), Елена Ярская-Смирнова и Павел Романов показывают, что «инвалидность в любом арт-продукте выступает как символ или метафора» (2009:2). Они подробно анализируют, какие метафоры характерны для того или иного периода: в 1930-х показывается «перековка» инвалидов; в 1940-х востребована метафора «преображения»; в 1950-х, как правило, изображается инвалид-фронтовик, возвращающийся к жизни; в конце 1950-х – начале 1960-х на передний план выходит еще один аспект – медицинский, – и тела инвалидов становятся «объектами манипуляций и исправлений»; в период застоя появляется образ «тунейдца»; наконец, в перестройку набор репрезентаций заметно расширяется (36–37). Поскольку СМИ и произведения искусства играют значимую роль в создании образа той или иной группы людей, важным становится изучение не только самого феномена, но и его репрезентаций. Таким образом, настоящее исследование вписывается в парадигму работ, анализирующих, как СМИ создают образ отдельной категории граждан.

⁴ Обзор исследований инвалидности см., например: Reid-Cunninghan 2009:101–103.

ИДЕОЛОГИЯ ПОЛИТКОРРЕКТНОСТИ

Идеология политкорректности⁵ призывает избегать дискриминирующих названий, исключаящих социальную группу из общества по тому или иному признаку. Считается, что изменения в языке способны привести к переменам в отношении к фрагментам реальности – например, к какой-то категории людей. Данная позиция подкрепляется и гипотезой Сепира-Уорфа, моделирующей связь между языком и мышлением. Так, исходя из того, что язык влияет на «различные виды деятельности людей не столько в особых случаях употребления языка, сколько в его постоянно действующих общих законах и в повседневной оценке им тех или иных явлений» (Уорф 1960:158), предполагается, что замена стигматизированного наименования может привести к изменению отношения к социальному явлению или группе людей.

В итоге в публичном пространстве появляются списки выражений, которые следует или не следует употреблять. Например, не рекомендуется говорить «инвалид», отдавая предпочтение варианту «человек с инвалидностью». В таком случае прослеживается влияние идеологии «*people-first language*», согласно которой на первый план ставится человек, а уже потом – его диагноз или особенность (например, «ребенок с синдромом Дауна»). Такая риторика транслируется в разнообразных источниках: например, в цитирующем мнения представителей сообществ репортаже BBC (Зотова 2018), в словаре информационного портала «Такие дела» (Такие дела н.д.) или в таблице выражений, которые следует употреблять по отношению к людям с инвалидностью (Перспектива 2018). Однако в то же время, как отмечает Том Шекспир, за формулировкой «люди с инвалидностью» стоит «медицинская модель», и «сложные проблемы инвалидов сводятся к медицинской профилактике, исцелению или реабилитации» (Shakespeare 2010:269).

Между тем, Норман Фэрклоу полагает, что дискурс *может* (may), а не обязательно должен, менять социальные практики (Fairclough 2003:23). Он критически осмысляет явление политкорректности и предлагает рассматривать его в свете «культурного» сдвига в политике в сторону признания идентичностей и различий, как часть «культурного» и «языкового» поворота (19). Неоднозначность политкорректности как политического и языкового явления связана еще и с тем, что она используется по отношению к группе, по каким-то причинам отнесенной к аутсайдерам. Здесь можно обратиться к антропологической категории *других* (the Others) (Ablon 1995), в которую люди с нарушениями часто попадают в разных сообществах. Разделение на «своих» и «других» происходит на уровне практик и дискурса.

Идеология политкорректности – одна из тех, что оказываются актуальными для публичного дискурса о ПНИ и принимаются во внимание журналистами и чиновниками. Представленный ниже анализ коснется в том числе и того, какую роль в создании образа жителей интернатов играет употребление новых «правильных» выражений, а также предпочтение эвфемизмов.

⁵ Про разные трактовки этого явления см.: Майба 2012; Цурикова 2001; Andrews 1996; Hughes 2010.

ПНИ КАК ТОТАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ

ПНИ могут быть поставлены в один ряд с другими закрытыми учреждениями, такими как тюрьмы, казармы, психиатрические больницы, – где люди длительное время отрезаны от внешнего мира. Для описания происходящих там социальных процессов, приводящих к изменению идентичности, Эрвин Гоффман использует концепцию тотальных институтов. Это учреждения, контакты за пределами которых ограничиваются, в которых существует непреодолимая дистанция между социальными ролями, а распорядок дня жестко регламентирован (Гоффман 2019:35–38). Тотальным институтам в России, в частности, посвящен тематический выпуск «Журнала исследований социальной политики» (2019). Одна из его статей рассматривает ПНИ, в жизни которого активно участвуют волонтеры НКО, что нарушает некоторые черты тотального института – прежде всего стабильность иерархии «пациент – сотрудник» (Klepikova 2019).

Теоретическая модель тотальных институтов подкрепляет аналогию между ПНИ и тюрьмой, которую нередко проводят общественные организации, борющиеся за права находящихся в интернатах людей (примеры см. ниже). Согласно их позиции, не так важны причины, по которым люди попадают в закрытое учреждение, – важны общие закономерности происходящего в изоляции.

Таким образом, взгляд на ПНИ как на тотальный институт, в границах которого люди проживают пожизненно, подчеркивает закономерность разворачивающихся в этих заведениях процессов. Помещение дискурса о ПНИ в дискурс о людях с инвалидностью позволяет, с одной стороны, применять модели исследований инвалидности, но с другой – помещает жителей интернатов в категорию людей с инвалидностью, что не в полной мере соответствует реальности. Дело в том, что выделение группы подопечных интернатов происходит по социальному положению и жизненным траекториям. В данной статье дискурс о ПНИ рассматривается как отдельный дискурс, но связанный с общим дискурсом об инвалидности.

МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРОЦЕДУРА АНАЛИЗА

Материал исследования составили 17 видеорепортажей 2012–2020 годов из разных частей России, среди которых Дальний Восток, Сибирь, Центральная Россия. 15 репортажей выпущены телекомпаниями разного уровня, а два самых ранних (2012 и 2015 годов) – государственными информационными каналами на YouTube (ГУС 2012; ВОР 2015) (см. «Список репортажей» в конце статьи). Были просмотрены все видео про российские интернаты, найденные через поиск в Google (осуществлен в два этапа – в 2019 и 2020 годах). Основными критериями отбора стали представленность и достаточность. Так, важно было включить репортажи, представляющие разные позиции, а число репортажей должно было позволить выделить общие характерные черты (повторяющиеся и в других видео, не вошедших в выборку). В ходе анализа выделены тематические блоки, особенности организации и представления информации, способы описания интернатов и проживающих в них граждан.

Выявлены следующие пункты, по которым репортажи могут быть противопоставлены:

- описание здания и интерьера;
- обоснование изоляции пациентов;
- описание потребностей пациентов;
- представление успехов;
- роль подопечных или «бывших ПНИшников»;
- интервью с другими лицами;
- стигматизация проживающих в ПНИ: граница между «здоровыми» и «больными»;
- образ «нормальной» жизни;
- идеологические тезисы.

В ходе исследования рассматривался конкретный, прежде всего языковой, материал: то, какие слова используются при референции к тем или иным учреждениям и их обитателям.

Более однородными в структурном и идеологическом плане оказались две группы репортажей. Первую из них составили видеосюжеты, приуроченные к юбилеям учреждений, ремонту или открытию новых корпусов (ГУС 2012; ИБР 2019; КЕР 2018; МОРШ 2019; ОРЕХ 2018). Во вторую группу вошли выпущенные в 2019 году журналистские расследования, которые были показаны на центральных телеканалах (БОЛ 2019; ПРАВ 2019; ПУТ 2019). Репортажи из второй группы содержат сразу несколько сюжетных линий и отличаются тем, что включают интервью с представителями общественных организаций, а также внешними специалистами из областей медицины, психологии и права. Эти два типа репортажей, представляющих два дискурса о ПНИ, анализируются в следующих двух разделах, а результаты их сравнения представлены в таблице 1. После этого рассматриваются другие новостные сюжеты, где оценка интернатской системы в целом не столь четко выражена (БОБР 2017; ВОР 2015; ЗВЕН 2017; КУР 2020; ЛЕН 2019; ПЕРВ 2020; ПЕТ 2019; ХАБ 2019; ШИРШ 2017).

Чтобы проанализировать то, как в репортажах называются проживающие в ПНИ, были выписаны все наименования и способы референции. Они помещены в базу данных со следующими полями: наименование, более полная цитата, название репортажа, ссылка, тип репортажа. Всего в таблице 229 случаев наименований. Были проанализированы контексты и типы репортажей, в которых употребляются те или иные варианты.

РЕПОРТАЖИ, ПРИУРОЧЕННЫЕ К ЮБИЛЕЯМ ИНТЕРНАТОВ

В центре внимания репортажей, посвященных юбилею или открытию нового корпуса, – само учреждение, а не оказавшиеся в нем люди. Одна из самых очевидных черт, отличающих такие видеосюжеты, это описание благоустройства территории, которая, как правило, «утопает в цветах». Используются красочные, положительно окрашенные эпитеты, как в этом фрагменте, взятом из самого начала репортажа об интернате в Керчи:

Сплошной забор защищает обитателей интерната от посторонних глаз, однако за ним существует своя особая жизнь. Сразу за воротами нас встретила вежливая охрана, сказочный кот и цветущие клумбы. Ландшафт учреждения создан совместными усилиями подопечных и работников интерната в рамках проекта «Экологическая усадьба». В осуществлении цели озеленения и облагораживания территории обитателям интерната также помогли своим трудом группы волонтеров неравнодушные к судьбе и условиям жизни обездоленных людей (КЕР 2018).

В приведенной цитате фигурирует сплошной забор, который «защищает обитателей интерната от посторонних глаз». Мотив защиты, охраны проживающих еще не раз будет появляться в данном репортаже – это одна из идеологий, оправдывающих помещение людей в закрытые учреждения. Реплика в репортаже не просто оправдывает забор, но и представляет его через призму заботы о проживающих в интернате. Изоляция также обосновывается идеей «особой жизни», то есть формально политкорректная лексика, говорящая об особенностях, оказывается встроенной в дискриминационную систему. Канцелярские выражения, которые помогают замаскировать в некоторой степени *опасную* тему, делают дискурс более осторожным и формально корректным.

В репортажах представлены следующие ниже варианты обоснования изоляции:

- Больных нужно помещать в закрытые учреждения, чтобы защитить и охранять: «На страже психического покоя стоит психиатр учреждения, а также медицинская часть, забор защищает обитателей интерната от посторонних глаз»; «На страже этого благоденствия стоит охрана порядка» (КЕР 2018).
- Здесь «инвалидам» могут предоставить необходимый уход, «особое внимание»: «Сегодня здесь проживает 491 человек. Все они являются инвалидами 1, 2 группы, они страдают психическими и нервными заболеваниями и нуждаются в постороннем уходе. В коллективе, который за ними ухаживает, насчитывается 220 человек, – рассказал директор Ибресинского психоневрологического интерната» (ИБР 2019); «В доме на живописном берегу реки Писсы люди, нуждающиеся в особом внимании, смогут находиться до конца жизни. Интернат предназначен для мужчин и женщин, страдающих хроническими психическими заболеваниями» (ГУС 2012).
- Востребованность таких учреждений (в том числе постройки новых) обоснована очередью желающих «обрести покой»: «По состоянию на 31 мая, очередь в психоневрологические интернаты составляла 160 человек. Средняя продолжительность времени ожидания в очереди в интернаты психоневрологического профиля – около 1 года» (МОРШ 2019); «Чтобы обрести покой, необходимо обратиться в социальную службу по месту жительства. На сегодняшний день очередь в подобные учреждения в Калининградской области составляет 182 человека» (ГУС 2012).
- С подопечными не могут или не хотят жить родственники. Вот, например, комментарий консультанта министерства социальной политики правительства Калининградской области: «К сожалению, здесь наличие родственников

не является критерием для размещения, потому что зачастую такие люди невыносимы именно для семьи, особенно если есть малолетние дети в семье. По характеру своего заболевания они просто не могут проживать в семье, даже если родственники могут за ними ухаживать» (ГУС 2012).

Значительно выделяется на общем фоне аргумент чиновника, который говорит не столько о защите подопечных интерната, сколько о защите их семей и в том числе «малолетних детей». Нужно подчеркнуть, что такое обоснование встретилось только в репортаже 2012 года. Сейчас аргумент об опасности подопечных ПНИ для других людей не встречается практически ни в каких репортажах (за исключением ПЕТ 2019; ПУТ 2019).

В одном из сюжетов показан фрагмент интервью с матерью 40-летнего Алексея: «Такие роскошные апартаменты, все такое прямо вот приближенное к домашним условиям... Что мой Алешка будет здесь жить, под присмотром будет жить. И для меня это счастье, потому что я вдова, я уже с сыном... Я уже не могу за ним – мне 60 лет – ухаживать» (МОРШ 2019).

Еще одной яркой особенностью репортажей, приуроченных к юбилеям учреждений, является описание материальной базы и оказываемых услуг: «Здесь есть стоматологический, массажный, физиотерапевтический и лечебно-физкультурный кабинеты» (ИБР 2019): «Наличие в штате психолога дает возможность адаптировать наших подопечных к условиям жизни в учреждении: скорректировать поведение, помочь иначе, с позитивной точки зрения, посмотреть на свои проблемы, сделать жизнь более интересной» (ОРЕХ 2018).

В подобных репортажах присутствует множество сравнений интерната с домом, идея создания «домашнего уюта» в стенах казенного учреждения: «В учреждении подчеркивают: для людей с особенностями здоровья стараются создать комфортную обстановку, чтобы они чувствовали себя как дома» (ИБР 2019); «Отреставрированный жилой корпус № 3 предлагает своим постояльцам уют родного дома» (МОРШ 2019); «Здесь царит атмосфера домашнего уюта и аппетитный запах семейной кухни. Но что делает эти стены такими похожими на семейную обитель? Что же создает праздничную атмосферу, когда это так необходимо измученным болезнью душам? Всевозможные поделки и украшения, тематические и праздничные, созданные руками жителей этого, хоть и казенного, дома. Стены учреждения украшают не только картины из бисера, но и фотографии жильцов, создавая ощущение дома, в котором развешены фотографии членов большой и дружной семьи» (КЕР 2018).

Кроме того, перечисляются обширные возможности реабилитации и трудотерапии: «Подопечные по мере своих возможностей работают в швейной, цветочной, столярной и слесарной мастерских» (ИБР 2019); «Практикуется трудотерапия, предполагающая выполнение различной работы на территории учреждения» (ОРЕХ 2018); «Благодаря работе кружков проживающие интерната реализовывают свои творческие потребности» (ОРЕХ 2018). «Интернат социально реабилитирует пациентов всеми доступными методами: арт-терапия, гарденотерапия, или лечение природой, и многое другое. Тихий пруд, утки и потешные козлята – маленький оазис спокойствия». Корреспондент, глядя козла: «После трудов житей-

ских вы можете выйти и пообщаться с животными – это называется “зоотерапия”. Реабилитация проходит куда эффективнее и быстрее» (МОРШ 2019). В одном репортаже приводится фрагмент интервью с инструктором по труду: «Очень большое внимание уделено именно реабилитации подопечных учреждения. У нас многопрофильное. У нас есть арт-мастерская, где мы занимаемся индивидуально с подопечными, даже с такими, как с ДЦП... Это и... пазлы собираем, у нас есть мастерская по вышивке бисером. В этом году мы начали немножко расширяться: у нас уже есть алмазная вышивка» (КЕР 2018). Здесь показательно, в первую очередь, выражение «даже с такими, как с ДЦП», свидетельствующее об отношении к диагнозу (детский церебральный паралич), а также паузы, демонстрирующие то, что говорящая подбирает слова для описания возможностей реабилитации, которых не так много (в сюжете перечисляются только пазлы и вышивка).

Исходя из этих репортажей, потребности проживающих, находящие удовлетворение в интернате, сводятся к следующим: творчество, труд, игры; чтение, молитва; медицинская помощь, сбалансированное питание. При этом подчеркивается, что пациенты сами выбирают себе занятие (из набора, который, с точки зрения его авторов, исчерпывает потребности человека с инвалидностью): «Свой досуг живущие в интернате проводят по-разному. Смотрят телевизор, играют в настольные игры и бильярд – в холле для этого есть специальный стол. Любители почитать могут отправиться в библиотеку. Есть здесь и молельная комната для верующих» (ИБР 2019). В репортажах делается акцент на самостоятельности выбора. Так, в одном из сюжетов рассказывается про прогрессивную «технология сопровождаемого проживания», организованного на базе интерната, где пациенты «сохраняют или даже приобретут навыки самостоятельной жизни» (МОРШ 2019).

Хотя в первую очередь рассказывается об условиях, приближенных к нормальным, домашним, в соседних фразах одновременно воспроизводится граница между здоровыми людьми и пациентами ПНИ. «Эстетично сервированный стол способствует хорошему аппетиту, что немаловажно для психически больных людей» (ОРЕХ 2018). «Творческое развитие и широкий выбор занятий по интересам – это, конечно же, далеко не все. О теле также нужно тщательно заботиться. Соблюдение норм сбалансированного питания особенно важно для людей с ограниченными способностями. Ведь главное не просто насытить организм, а дать ему все необходимое для оптимального функционирования в тех пропорциях, которые ему нужны». Далее комментарий дает медицинская сестра по диетическому питанию: «Имеется информационная доска, где наши подопечные свои пожелания высказывают, какие блюда больше всего они хотели бы попробовать на вкус, какие больше всего нравятся» (КЕР 2018).

Следующий важный аспект – участие проживающих в диалогах, интервью с ними. Рассмотрим пример интервью с подопечным ПНИ (КЕР 2018):

Подопечный: Дома готовил немножко, и умею очень хорошо готовить, вы знаете: и пирог стряпал, и праздничный стол немножко накрывал... [вырезанный фрагмент].

Репортер: Вова, ты рад, что теперь здесь есть кухня, на которой ты снова сможешь готовить, как дома?

Подопечный: Да, немножко доволен...

Здесь, во-первых, журналистка называет собеседника именно Вовой, а не Владимиром, и кроме того, обращается ко взрослому собеседнику на «ты». Это отражает покровительственное отношение, распределение властных полномочий, по-видимому, не вполне осознаваемое корреспонденткой, которая старается быть корректной. Во-вторых, важно обратить внимание на репрезентацию диалога в репортаже. Подопечный хочет больше рассказать о том, как готовил именно дома, но этот фрагмент вырезается из репортажа, так как выходит из идеологической рамки: нужно показать, что в стенах учреждения Вова «как дома» и нет необходимости рассказывать про жизнь в домашних условиях.

Приведем еще один пример диалога с проживающей, где репортер подсказывает собеседнице, что надо сказать (ИБР 2019):

Подопечная: В огороде работаем. Разные концерты приезжают. [*Вырезанный фрагмент*].

Репортер: Ваши тоже концерты ставят, да?

Подопечная: Ставят. [*Вырезанный фрагмент*]. Танцуют, поют.

Пассивное участие проживающих в диалоге поддерживает существующую систему и идею о том, что им необходимо оставаться в этом учреждении. Кроме того, их участие может сводиться и к просто фону: например, стоят в ряд или машут по команде:

Помимо огромной обустроенной территории и большого хозяйства, обитатели интерната могут похвастать активной общественной и спортивной жизнью. В холле подопечные играют в шахматы, и нужно заметить, что команда шахматистов интерната имеет спортивные награды. Сотрудник говорит в микрофон, сзади стоят два шахматиста с медалями: «В этом году команда наших подопечных ездила на спартакиаду в город Евпаторию в сентябре месяце. Мы заняли второе место по шахматам, наши шахматисты [*показывает на них*] получили за это кубок» (КЕР 2018).

В данном фрагменте повествование вступает в конфликт с визуальным рядом репортажа: когда сотрудник хвастается победами шахматистов, они молчат и не выражают эмоций. Однако все-таки важно, что в репортажах последних нескольких лет все чаще дается слово жителям интернатов. В то же время директора учреждений, а также журналисты, транслируют в интервью официальный дискурс: «И все же перед коллективом интерната стоит очень много задач, и все они главные: это и реабилитация и абилитация подопечных, их интеграция в социум в качестве полноценных членов общества; это и укрепление материально-технической базы учреждения, расширение диапазона выбора занятости подопечных» (КЕР 2018).

В целом можно выделить следующие идеологии дискурса СМИ, поддерживающего систему:

- 1) идеология опеки над теми, кто не может жить самостоятельно;
- 2) идеология охраны подопечных, заботы об «обездоленных», «измученных болезнью душах»;
- 3) идеология «особенности» (формально более политкорректная и прогрессивная): необходимость «особого ухода» обосновывает помещение в закрытые учреждения;
- 4) идея ограниченности потребностей инвалидов.

ЖУРНАЛИСТСКИЕ РАССЛЕДОВАНИЯ О ПНИ

В 2019 году вышли объемные журналистские расследования о ПНИ, в том числе созданные по инициативе общественных организаций, выступающих против существующей интернатской системы. С этим жанром связан ряд структурных особенностей, к которым относится интригующее начало: «Мы побывали там, куда вы вряд ли захотите попасть, покажем, где и как людей вынуждают не жить, а доживать»; «Другая реальность: мы провели один день в Санкт-Петербургском психоневрологическом интернате, побывали в частных пансионатах Подмосковья и попытались понять, действительно ли там доводят пациентов до могилы» (БОЛ 2019). Здесь в самом начале проводится граница между жизнью внутри учреждения и за его пределами. Другая особенность расследований – шокирующие подробности о жизни в интернатах, где «забирают паспорта», кормят холодной едой, которую «нормальный человек есть не будет», а если кто-то обращается с жалобой, то получает «уколы в качестве наказания» (ПУТ 2019⁶). Так, в одном из репортажей описывается изолятор, куда помещали за малейшие провинности: «Голое помещение, решетка и стоит ведро, в которое люди должны ходить в туалет» (ПРАВ 2019).

Кроме того, для обсуждаемых репортажей характерно проведение аналогий с тюрьмой. Так, в одном из сюжетов – как и во многих других публикациях 2019–2020 годов – цитируются слова учредительницы Фонда помощи хосписам Нюты Федермессер, назвавшей ПНИ «современным ГУЛАГом»⁷ (ПРАВ 2019). В другом репортаже пациент рассказывает, как сильно он хочет «на волю», и уточняет, что людей, живущих за стенами заведения, называют «вольными» (ПУТ 2019). Аналогия с тюрьмой транслируется эксплицитно, а также через использование соответ-

⁶ Этот репортаж самый длительный, 1 час 1 мин. В центре внимания сразу несколько сюжетных линий: история человека, бывшая супруга которого подала иск о лишении его дееспособности; проект сопровождаемого проживания организации «Росток»; репортаж из Борского ПНИ; историческая справка о создании системы ПНИ; интервью с представителями общественных организаций; сюжет об опыте организации «Перспективы» в Петергофском ПНИ; история про «показательный» Тинский ПНИ и его бывшего директора, помогавшего пациентам «выходить на волю». В этом репортаже также показано интервью с адвокатом, восстанавливающим дееспособность выпускникам детских домов, которым положено жилье от государства.

⁷ В репортаже цитируется первая часть номинации. Если быть точнее, Федермессер в своем докладе на Совете по правам человека при Президенте РФ назвала систему ПНИ «современным ГУЛАГом для престарелых и инвалидов» (Медуза 2019).

ствующей лексики: «Если у тех, кто сейчас заточен в ПНИ по всей стране, шанс на другую жизнь?»; «Они пациенты или все-таки заключенные?»; «Жить полноценно после освобождения» (БОЛ 2019⁸).

Другой отличительной особенностью репортажей в жанре журналистского расследования является интервью с представителями общественных организаций и экспертами, которые предоставляют статистику и результаты исследований. Например, так характеризует состав пациентов ПНИ председатель совета Всероссийской организации родителей детей-инвалидов: «По нашим подсчетам, накопленным итогам, примерно около 40% – это выпускники детских домов-интернатов. Значит, милосердие, я сказала вам, – это сплошь, конечно, прибывают из интернатов. И есть еще 29% людей дееспособных – это цифры по России. Что делают дееспособные люди в ПНИ – это, конечно, большой вопрос» (БОЛ 2019). В интервью с Федермессер (ПРАВ 2019) подчеркивается, что перейти границу между нормальной жизнью и изоляцией может каждый, а значит в ПНИ может оказаться любой человек:

Репортер: Попадают в закрытые заведения и будучи дееспособными, часто по распределению из детских домов. При этом добровольно покинуть ПНИ невозможно – требуется разрешение специальной комиссии. Поэтому, за редким исключением, в интернате остаются на всю жизнь.

Нюта Федермессер: Есть люди, оказавшиеся там в результате каких-то мошеннических действий, с жильем в том числе; есть люди, которые там оказываются, потому что они совершили какой-нибудь проступок серьезный, попали, например, в тюрьму, а потом вышли из тюрьмы, а все социальные связи утрачены. Вот эти люди оказываются в ПНИ, будучи абсолютно интеллектуально, физически, соматически здоровыми. Так сложилась жизнь. Для них нету другой системы.

Таким образом, в обсуждаемых репортажах нередко подчеркивается, что в учреждениях оказываются здоровые, дееспособные люди. Кроме того, стирается дискурсивная граница между «нормальными» и «ненормальными»: журналистка отмечает, что у героя расследования «проблемы, как у половины страны: считает, что за ним следит ФСБ, и пишет письма патриарху» (ПУТ 2019).

Для того, чтобы подчеркнуть проблему стигматизированности и дискриминации, а также шокировать зрителя, используется и неполиткорректная лексика: «Меня могли назвать “дебиллом”, по всей вероятности. “Психом” меня вряд ли могли назвать, но меня могли назвать “дебиллом”»; «Превращались, как мы говорим, в “овощи” – в такое полурастительное состояние»; «Люди, сложенные в этом ПНИ, как дрова» (БОЛ 2019).

В выступающих против системы ПНИ репортажах также можно услышать и официальный дискурс, который обычно представлен в лице директоров учреждений. Однако зритель, как правило, подталкивается к их критическому осмысле-

⁸ В этом репортаже рассказывается не только про государственное учреждение, но и про частный интернат. Все остальные ПНИ, деятельность которых освещается в анализируемых сюжетах, государственные. О частных интернатах СМИ говорят значительно реже.

нию. Так, заместитель руководителя департамента социальной защиты удовлетворенно рассказывает, как проходило переобследование жителей интерната, когда за 10 часов все пациенты прошли осмотр. Она восторженно поясняет: все дела были переданы комиссии заранее (что, очевидно, в глазах зрителя ставит независимость такой экспертизы под сомнение) (ПУТ 2019).

Профессиональный дискурс чиновников схож с тем, что присутствует в поддерживающих систему репортажах. Например, слова руководительницы департамента социальной защиты Воронежской области: «Косметический ремонт предварительно уже запланирован в [20]20-м году. [Интернат] уже входит в “пилот” по системе долговременного ухода, здесь будут внедряться и новые методики взаимодействия с проживающими, и реабилитационные методики» (ПУТ 2019).

Одна из сюжетных линий репортажа (ПУТ 2019) построена на сравнении того, что говорит в интервью директор, а также представители администрации Воронежской области, и визуальной составляющей – кадров, снятых авторами фильма и подопечным. Зрителю нетрудно увидеть, насколько звучащий лозунговый дискурс расходится с тем, что показывается на экране. Например, когда директор рассказывает про «приспособленные помещения» и про соблюдение «стандартов социального обслуживания», в кадре появляются старые обветшалые корпуса; слова про «стандартные туалеты» иллюстрируются кадрами деревенских «удобств». Далее он обосновывает правило, согласно которому запрещается лежать до обеда, объясняя его заботой о подопечных: «Понимаете, ну, чем больше человек лежит, чем меньше у него общения – это все равно отражается и на психическом статусе. Вот. Надо общаться, надо двигаться». Эти слова накладываются на кадры, где пациенты лежат на лавочках и на полу. Затем директор гордо демонстрирует возможности общения: «Это помещения досуга – ну, в основном, просмотра телепередач, чтения и других каких-то мероприятий, бесед с психиатром». Директор повторяет выученные лозунги о том, что надо двигаться и общаться, но сам оказывается в состоянии показать один из немногих вариантов времяпровождения – сидеть перед телевизором. Таким образом, дискурс вступает в противоречие с визуальным рядом. Еще одна возможность хорошо провести время – «трудотерапия», и нам поясняется, что здесь таким политкорректным словом называется принудительное выполнение обязанностей персонала: пациент рассказывает, что их «заставляют» работать. Знакомый набор потребностей пациентов завершает наличие церкви. Далее директор рассказывает, что пациенты – люди «несамостоятельные», поэтому их личные вещи находятся под ключом.

В сюжет включено и взаимодействие с проживающим, которое демонстрирует патерналистскую идеологию руководства: с точки зрения директора, подопечному достаточно того, что он может рисовать, его потребности удовлетворяются (ПУТ 2019):

Пациент (про своего соседа): Ну, вот этот дееспособный, а я недееспособный и работаю.

Директор: Ну, так со слухом [*движение руки к голове*], дружище, ну, мы ж говорили уже.

Пациент: А то ни того, ни другого...

Директор: Ну, рисовать – рисуешь же! Так и будешь дальше рисовать.

В репортажах, выступающих против системы ПНИ, одна из главных ролей – бывший «ПНИшник» (тот, кто выбыл из интерната и живет самостоятельно). Например, Люба, без диагнозов, выпускница детского дома (ПРАВ 2019), или Юрий Кузнецов, «инвалид-колясочник», ставший журналистом «на воле», или слепоглухой Алексей, переехавший в дом сопровождаемого проживания (БОЛ 2019). С Любой и Юрием проводятся полноценные интервью, которые образуют центральные сюжетные линии. Таким образом, с точки зрения степени вовлеченности жителей ПНИ в нарратив наблюдается большая разница между репортажами двух типов. Однако и это не всегда так. Например, журналистка удивляется порядку, который смогли навести инвалиды: «Алексей ждал нашу съемочную группу еще у порога, сам вызвался провести экскурсию по дому, с гордостью показывает свою комнату: удивительно чисто, каждая вещь на своем месте. Поверить, что порядок здесь навели инвалиды, сложно, но сиделки уверяют – так и есть» (БОЛ 2019). Таким образом, и в антисистемных репортажах встречаются стигматизирующие выражения.

Можно также отметить рассуждения героев на тему «пней», которые встречаются как в видеорепортажах, так и в социальных сетях, например: «Что такое “пень”? Это обрезанное дерево. Что такое ПНИ? Это обрезанные деревья. Что такое обрезанные деревья? Это обрезанные жизни. Так вот не хотелось бы, чтобы жизни были обрезанные» (БОЛ 2019). Это пример народной этимологии и метафоры, отражающей отношение к таким учреждениям.

Еще одно интересное наблюдение касается политкорректных названий интернатов, за которыми скрывается старая суть. Так, рассказывается, что герой репортажа был отправлен в «подмосковный оздоровительный комплекс, но по сути интернат», где жил почти три года без телефона и возможности выйти за территорию (ПУТ 2019).

Хотя у репортажей, выступающих против системы, есть ряд общих черт, они различаются. Так, один из них рассказывает не только про государственные ПНИ, но и про частный интернат, где условия проживания оказываются даже хуже, а прав у пациентов ничуть не больше (БОЛ 2019). Другой репортаж отличается тем, что, выступая против системы в целом, включает и примеры положительного опыта внутри интерната: сюжет об организации «Перспективы» в Петергофском ПНИ, а также сюжет про интернат, «показательный» в прошлом, и его бывшего директора, заботившегося о подопечных и помогавшего им «выходить на волю» (ПУТ 2019). Случай, когда затрагивается тема опасности подопечных ПНИ для других, исключителен: один такой пример, когда изоляция человека оправдана, приводит бывший директор интерната (ПУТ 2019).

СРАВНЕНИЕ ДИСКУРСОВ О ПНИ

В таблице 1 на примере телерепортажей представлено сравнение двух дискурсов о ПНИ: поддерживающего систему и выступающего против нее.

Таблица 1. Дискурсы о психоневрологических интернатах в российских телерепортажах

Критерии сравнения	Репортажи, поддерживающие систему ПНИ	Репортажи, выступающие против системы ПНИ
Описание здания и интерьера	Благоустройство территории Сравнение с домом, демонстрируются элементы «домашнего» уюта Идиллические картины	Ужасающие условия проживания Противопоставление домашнему проживанию Аналогия с тюрьмой (решетки на окнах)
Изоляция пациентов	Обоснование пребывания в ПНИ Изоляция людей показана в целях охраны проживающих Специальный уход возможен только внутри учреждения	Изоляция показана необоснованной – как нарушение и ошибка системы
Описание потребностей и прав пациентов	Закрытый список потребностей проживающих, удовлетворение этих потребностей (уход, питание, творчество, спорт) Досуг, творческие мастерские Иллюзия выбора	Неудовлетворение базовых потребностей человека Случаи нарушения закона Положительный опыт некоммерческих организаций
Представление успеха героев	Успехи: медали и победы в специальных конкурсах	Успешность вне ПНИ: самостоятельная жизнь
Роль «подопечных» или «выпускников» ПНИ	Интервью с подопечными ПНИ (отдельные фразы, ответы на закрытые вопросы, молчаливое позирование)	Полноценные интервью с теми, кто вышел из учреждения (история жизни) Интервью с подопечными ПНИ
Интервью с другими лицами	Интервью с директором и чиновниками Интервью с сотрудниками ПНИ	Интервью с общественными деятелями и экспертами Интервью с чиновниками: контраст их слов и визуального ряда
Стигматизация проживающих в ПНИ: граница между здоровыми и больными	Представляются большими и требующими специального ухода	Акцент на том, что в ПНИ попадают здоровые и дееспособные, способные к самостоятельной жизни
Представление нормальной жизни	Нормальная жизнь – «как дома» внутри учреждения	Нормальная жизнь – самостоятельная
Идеологии и идеологические тезисы	Идеология опеки, заботы Идеология особенности Идеология охраны Идея ограниченности потребностей людей с инвалидностью	В ПНИ не может быть устроена нормальная жизнь; ПНИ – тюрьма, где нарушаются права Патерналистская идеология

Два дискурса вступают в заочный спор по поводу таких вопросов, как изоляция людей, границы между «другими» и обществом, самостоятельность и потребности человека с инвалидностью. Дискурс, поддерживающий систему, подает изоляцию как охрану проживающих, а дискурс, выступающий против ПНИ, – как нарушение или ошибку. Идеология особенности в поддерживающих систему репортажах, политкорректная по своей форме, обосновывает проведение границы между группами людей и оправдывает помещение в специальные учреждения тех, кто нуждается в «особом уходе». Напротив, в репортажах, выступающих против

системы, подчеркивается, что в ПНИ часто находятся дееспособные и здоровые, а значит – там может оказаться каждый.

Журналисты, старающиеся быть политкорректными и внимательно относящиеся к лексике – самому осознаваемому языковому компоненту, продолжают при этом использовать привычные схемы взаимодействия с подопечными интернатов и, следовательно, поддерживать дискриминирующую идеологию. То же можно сказать и об их коллегах, прямо критикующих систему ПНИ. На уровне грамматики отмечается патерналистское обращение на «ты» и использование краткого имени: часть выпускников, даже выйдя за двери учреждения, так и остаются Вовой или Любой.

НОВОСТНЫЕ СЮЖЕТЫ: ЗА/ПРОТИВ/ВОЗДЕРЖАЛСЯ

Объемные репортажи 2019 года, где аргументированно выстраивается позиция против системы ПНИ, существенно отличаются от новостных сюжетов, посвященных нарушениям закона, которые выходили и ранее (БОБР 2017; ШИРШ 2017). Так, репортаж программы «Вести» 2017 года о скандальном случае в Звенигородском ПНИ хотя и рассказывает о случае применения силы по отношению к проживающему, но в целом остается в рамках патерналистского дискурса. Речь идет не о том, что система по своей сути неправильна, а лишь о неправомерных действиях врача, который в результате был уволен. Так, проблема представляется как бы решенной, хотя и упоминается о систематичности подобных нарушений. Проживающие предстают «особенными» людьми, рассказам которых не верят и на которых можно «отрываться» (ЗВЕН 2017).

Еще одно видео уже 2015 года повествует о посещении губернатором Московской области Андреем Воробьевым Орехово-Зуевского психоневрологического интерната, демонстрируя патерналистское отношение к подопечным и низкую осведомленность чиновника (ВОР 2015):

Губернатор Московской области: Скажите, они здесь постоянно живут?

Директор ПНИ: Да, постоянно, это постоянное место жительства.

Губернатор: То есть тот, кто живет, он отдает пенсию, да?

Директор: Да, 75% среднедушевого дохода.

Губернатор: Да, да. И проживает здесь.

Директор: Да.

Губернатор: А они как-то социализируются, они общаются?

Директор: Конечно, общаются. У нас очень много культурных мероприятий...

В целом, чиновника больше интересуют условия проживания (например, разбитое асфальтовое покрытие), но иногда в разговоре упоминаются и подопечные:

Директор: Это у нас сделано руками проживающих. У нас проводится ежегодно конкурс на лучшую композицию каждого отделения...

Губернатор: А здесь, кто? Дауны, олигофрены, шизофреники?

Директор: [*кивает*] Да. И восемь человек у меня вообще в городе работает.

Внимание общественности к проблемам ПНИ, их обсуждение на государственном уровне, телерепортажи и другие публикации СМИ, аргументированно выступающие против системы, – все это приводит к переменам в идеологической направленности части новостных сюжетов (но не всех). В некоторых репортажах последних лет частично воспроизводится дискурс общественных организаций, хотя и не в столь радикальной форме (ЛЕН 2019; ПЕРВ 2019). Журналисты балансируют и стараются быть аккуратными, ведь после общественной огласки они вынуждены учитывать мнение еще одной стороны – обывателей, которые, как оказалось, не всегда приветствуют реформу ПНИ:

Репортер (закадровый голос): Возможно, это и позволило министру труда Сергею Топилину заявить, что часть дееспособных жителей интернатов могли бы выйти из них. Это расплывчатое высказывание, помноженное на некорректную трактовку, вызвало пугающий эффект – всех на улицу и ПНИ закрываются – и реформа заключается именно в этом.

Вице-губернатор Ленобласти: Пусть жители Ленинградской области по этому поводу не переживают и не волнуются. Психоневрологические интернаты как у нас работали в области, так и работают (ЛЕН 2019).

Репортажи последних лет чаще занимают компромиссную позицию – то есть хотя и признают, что систему надо менять, но не выступают против нее в целом, обосновывая отсутствие альтернатив. При этом они содержат темы, типичные для репортажей, поддерживающих систему. Так, приводятся варианты занятости в ПНИ, причем подчеркивается самостоятельность выбора, воспроизводится сравнение с домом:

Репортер (закадровый голос): Швея-моторист Александр уже второй год шьет рубашки и простыни в интернате города Кировска. Кому-то нравится ремонтировать обувь, ну а кто-то для души изготавливает цветы.

Сотрудница ПНИ: Хорошо, девочкам очень нравится. Украшаем наш дом, дарим радость, красоту (ЛЕН 2019).

В другом репортаже (ПЕТ 2019), основанном на интервью с заместителем директора петербургского Психоневрологического интерната № 7 по медицинской части, подчеркивается, что в ПНИ может оказаться каждый, и перечисляются факторы жизни мегаполиса, способствующие развитию психических заболеваний. «Еще Достоевский писал, что Петербург – это город сумасшедших», – начинает свое выступление специалист. В заочном споре о необходимости интернатов снова воспроизводится аргумент об опасности «психически больных» (это единственный репортаж подборки, где используется такое наименование) и невозможности жить дома даже при наличии родственников:

Если в семье есть больной человек, психически больной человек, это значит – или кто-то из членов семьи должен уйти с работы и сидеть с этим человеком, а если все работают, остается только один выход – отправить в интернат. [...] У психически больных людей если есть агрессия, то она направлена именно на близких родственников, не на чужих людей (ПЕТ 2019).

Между тем в том же интервью появляются и новые, прогрессивные тезисы: говорится о том, что из ПНИ легко выписаться, если есть собственное жилье – достаточно написать заявление, и тех, кто планирует выйти, перед выпиской готовят к самостоятельной жизни. С данной риторикой в репортаже соседствует патерналистский дискурс: «А психически больной человек, особенно если это врожденная умственная отсталость, – ну, он ребенок на всю жизнь, он и в 46 лет будет ребенком. И ему нужны игрушки, ему нужен воспитатель, который бы с ним играл в эти игрушки» (ПЕТ 2019).

Новыми темами стали сопровождаемое проживание (ЛЕН 2019) и подготовка к самостоятельной жизни: «И впервые в интернате молодые инвалиды смогут получать профессию, ну а потом – подготовленными специалистами выходить в самостоятельную жизнь» (ПЕРВ 2020). При этом уточняется, что людей, которых «признали способными к получению профессии», не так много – 17, и что список профессий ограничен тремя: садовник, швея, повар.

В совместной реплике директора интерната и директора департамента по труду и социальной защите населения Костромской области наблюдается использование рядом единиц разговорного и официально-делового стилей (ПЕРВ 2020):

Директор ПНИ: За месяц она уже у нас сидит...

Директор департамента: В колясочке.

Директор ПНИ: В колясочке. Она общается с... получателями социальных услуг [*обводя руками*], она узнает, потому что приехала ее дочь – она ее не узнавала, – теперь она с ней общается спокойно.

Смешение стилей демонстрирует стремление подбирать правильные, корректные слова, при этом такие словесные единицы, как «колясочка», отражают патерналистское отношение. В том же репортаже рассказывается и про новое оборудование, которое поможет осуществить «главную цель – сделать жизнь пациентов комфортной, как дома».

Между тем выходят новостные сюжеты, игнорирующие дискурс общественных организаций и повествующие о планировании строительства нового интерната, в которых наличие очереди снова становится аргументом. Вот что говорит начальник отдела министерства социальной защиты населения Хабаровского края:

У нас есть как бы текущая потребность именно в женском психоинтернате, потому что по мужчинам мы проблему эту решили, ну а по женщинам как бы вопрос еще остается открытым. У нас есть текущая очередь, она небольшая, но тем не менее она имеется (ХАБ 2019).

Некоторые новостные сюжеты 2020 года – например, про работу ПНИ в пандемию – воспроизводят поддерживающий систему дискурс: в то время как неподвижные подопечные выполняют роль фона, сотрудница рассказывает о возможностях и разнообразии деятельности (они высаживают «проживающих» в холл, вместе смотрят телевизор и играют в мяч с теми, кто «может выйти на улицу») (КУР 2020).

Таким образом, хотя и существуют репортажи, реализующие некоторое компромиссное решение (менять систему, но постепенно и по возможности), практически отсутствуют сюжеты, в которых бы взвешивались аргументы «за» и «против» системы или рассматривались разные точки зрения. Между тем, если собрать аргументы из всех репортажей, то картина жизни в интернате представляется многогранной и сложной.

НАИМЕНОВАНИЯ ПРОЖИВАЮЩИХ В ПНИ

Если сравнивать наименования жителей ПНИ в репортажах разного типа, то при некоторых различиях они во многом схожи. Самый распространенный вариант – *подопечные*. Хотя это слово употребляется как нейтральное, в том числе и академическим сообществом, оно все же содержит семантический компонент иерархичности. Можно зафиксировать и другие канцелярские наименования: *клиенты*, *получатели социальных услуг*, *контингент*. Ввиду своей стилиевой принадлежности они далеко не всегда органично встраиваются в репортаж.

Кроме того, то, насколько единица окажется корректной, сильно зависит от контекста. Например, когда губернатор, по его мнению, «осторожно подбирает слова», он употребляет канцелярское выражение «контингент» в сочетании с указательным местоимением «такой» с просодическим выделением и сопровождением жестом: «Но там мы смотрели, там же вообще как бы... [*машет рукой*]. Но хотя здесь контингент я вижу такой...» (ВОР 2015). В итоге такой вариант вряд ли можно посчитать корректным.

Нередко используются и наименования, имеющие в семантических свойствах значение проживания, – например, *проживающие*, *жильцы/жители (интерната)*, *постояльцы*. При этом часть таких вариантов (*жильцы и жители*) несут смысл именно постоянного места жительства.

Наименования, связанные с состоянием здоровья – *пациенты*, *больные*, *лежащие (больные)*, – стигматизируют людей, тогда как часть из них вполне здоровы и дееспособны. Используются и различные наименования по модели «люди с»: *люди с инвалидностью*, *люди с ментальными нарушениями и инвалидностью*, *люди со сложными диагнозами и ментальными особенностями*, *люди с особенностями*. Такие выражения подходят для описания лишь части людей, находящихся в интернате, но не всех проживающих там.

Наименование *инвалиды* чаще используется в новостных сюжетах, посвященных конкретному эпизоду; в тех же репортажах, что поддерживают интернатскую систему, этот термин появляется только в словосочетаниях *трудоустройство инвалидов*, *инвалид 1, 2 группы*. Кроме того, в поддерживающих систему репортажах зафиксированы следующие выражения: *люди, которые нуждаются в*

специальном уходе; люди с ограниченными способностями; люди с особенностями; люди с отклонениями; люди, которые нуждаются в психоневрологической помощи; люди, нуждающиеся в особом внимании; люди, нуждающиеся в постоянном уходе специалистов; люди, страдающие психическими заболеваниями; обездоленные люди; измученные болезнью души. Выражения с семантическими компонентами «особый» и «нуждающийся» считаются политкорректными, однако они в той или иной степени обосновывают необходимость находиться в учреждении. Вариант с указательным местоимением *такие люди* в общем контексте приобретает негативную коннотацию: всем как будто так хорошо ясно, о каких *таких людях* идет речь, что категорию даже не обязательно называть.

В репортажах, выступающих против системы, жители ПНИ называются *здоровыми, дееспособными людьми*, а также фиксируется жаргонный вариант *ПНИшник*. Кроме того, с целью привлечения внимания к дискриминированному положению людей используются выражения с негативной окраской: *никому не нужные одинокие люди, бесправные и безмолвные люди, немощный родственник, овощи.*

Диагнозы в репортажах практически не называются, лишь за малым исключением (ВОР 2015; ПРАВ 2019). В целом, вариантов наименований проживающих в ПНИ много: используются описательные выражения, а канцелярские формулировки соседствуют с эмоционально-окрашенными эпитетами. Многие номинации встречаются в репортажах разной идеологической направленности. Хотя в целом журналисты учитывают требования политкорректности, выбор выражений часто зависит и от целей репортажа – например, шокировать и привлечь внимание или вызвать у зрителя жалость.

Таким образом, в то время как часть наименований используется обоими дискурсами, в репортажах, поддерживающих систему ПНИ, предпочтение чаще отдается эвфемизмам, претендующим на роль более прогрессивных и «правильных» словесных единиц. Однако в итоге и они участвуют в проведении границ между жителями ПНИ и обществом, обосновывая изоляцию первых. Общая проблема наименования проживающих в ПНИ заключается в том, что найти нейтральные варианты сложно: все они в той или иной степени оказываются стигматизирующими или дискриминирующими. Это, по-видимому, связано с социальным положением данной категории людей, их исключенным из общества статусом, а кроме того, с тем, что публично говорить о них стали не так давно.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По тому, как они оценивают интернатскую систему в целом, дискурсы составляют континуум, на одном из полюсов которого находится поддерживающий систему дискурс, а на другом – выступающий категорически против. Компромиссная позиция представлена в репортажах, где признается необходимость перемен, но объясняется, почему их нужно вводить постепенно; или в сюжетах, фокусирующихся на отдельных случаях нарушений, а не на их систематичности.

Выделяются следующие идеологии дискурса, поддерживающего интернатскую систему: забота об «обездоленных», «измученных болезнью душах», а также

опека над теми, кто не может жить самостоятельно; охрана подопечных; ограниченность потребностей инвалидов; идеология «особенности» (которая, будучи формально более политкорректной, обосновывает проведение границы между группами людей и оправдывает их изоляцию). Этим идеологиям противопоставлена позиция, представленная в журналистских расследованиях 2019 года, направленных против интернатской системы в целом. Поддерживаемый представителями общественных организаций и внешними экспертами, этот дискурс подчеркивает, что среди пациентов ПНИ есть здоровые и дееспособные; последовательно проводит аналогию с тюрьмой; показывает успешных «ПНИшников», которым удалось «выйти на волю» и жить самостоятельно.

Дискурсы, поддерживающие систему ПНИ и выступающие против нее, выражают противоположные точки зрения на такие вопросы, как самостоятельность инвалидов и их потребности, граница между ними и обществом. При этом дискурсы заимствуют друг у друга элементы и схожи между собой больше, чем кажется на первый взгляд. Так, роль подопечных ПНИ, как правило, ограничена и сводится к минимальным ответам на вопросы или визуальному фону, а во всех репортажах в той или иной степени воспроизводится патерналистская идеология. В сюжетах, транслирующих разные дискурсы, нередко представлен профессиональный дискурс чиновников, но в антисистемных репортажах зритель подталкивается к критическому осмыслению таких комментариев. Замаскированные корректным языком скрытые закономерности и схемы взаимодействия обнажают привычную идеологию, которая иногда воспроизводится даже в тех случаях, когда журналисты выступают открыто против системы интернатов.

Схожи во многом и наименования, используемые в репортажах: все так или иначе стремятся учитывать идеологию политкорректности (исключение составляют случаи намеренного привлечения внимания при помощи некорректных единиц). Журналисты и руководители интернатов стали пользоваться новыми словами, например, заменяя «инвалидов» на «получателей социальных услуг», совмещая терминологии разных идеологий, цитируя формулировки общественных организаций. При этом выбор якобы более прогрессивных выражений обосновывает изоляцию: «нуждающихся в особом внимании» необходимо поместить в закрытые специализированные учреждения, чтобы заботиться о них и охранять. Преследуя цель убрать дискриминирующие границы, политкорректность производит их, встраивается в систему, и работает на дискриминацию. Кроме того, непросто оказывается подобрать нейтральные варианты наименования – все они в той или иной степени поддерживают социальную стигму, обнажая реальное положение изолированных людей. В целом, о подопечных ПНИ говорят либо как о немощных и особенных, которым организуется достойная жизнь в стенах учреждения, либо как о здоровых, незаконно помещенных в изоляцию людей.

Последние годы стали переходным периодом, породившим телерепортажи, аргументированно выступающие против системы ПНИ в целом (в то время как в более ранних журналистских материалах речь шла скорее о конкретных нарушениях закона или плохих условиях в интернатах). Тем не менее, параллельно воспроизводится и поддерживающий систему дискурс. Новостные сюжеты старают-

ся учитывать дискурс общественных организаций, воспроизводят прогрессивные тезисы о сопровождаемом проживании и возможностях приобрести профессию внутри интерната, но при этом занимают скорее промежуточную компромиссную позицию. Кроме того, на фоне общественного внимания к проблемам системы ПНИ журналисты вынуждены учитывать еще и точку зрения обывателей, по тем или иным причинам опасующихся резких реформ. В целом, в последние – переходные – годы публичный дискурс о ПНИ отличается отсутствием четкой терминологии, а также смешиванием разных моделей и идеологий. Эта неопределенность в дискурсах отражает социальное положение, которое занимает обсуждаемая категория граждан, а также границу между ней и обществом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ван Дейк, Тен А. 2000. «Анализ новостей как дискурса». С. 111–160 в *Язык. Познание. Коммуникация*. Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ.
- Ван Дейк, Тен А. 2015. «Принципы критического анализа дискурса». С. 439–483 в *Социолингвистика и социология языка. Хрестоматия*, под ред. Николая Вахтина, т. 2. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Гофман, Эрвин. 2019. *Тотальные институты*. М.: Элементарные формы. *Журнал исследований социальной политики*. 2019. 17(3).
- Клепикова, Анна. 2018. *Наверно я дурак: антропологический роман*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Майба, Вита. 2012. «О структуре языка политкорректности (на примере английского и русского языков)». *Политическая лингвистика* 2(40):102–108.
- Уорф, Бенджамен Л. 1960. «Отношение норм поведения и мышления к языку». *Новое в лингвистике* 1:135–168.
- Фэрклоу, Норман. 2015. «Политический дискурс в прессе: аналитическая схема». С. 507–526 в *Социолингвистика и социология языка. Хрестоматия*, под ред. Николая Вахтина, т. 2. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Цурикова, Любовь. 2001. «Политическая корректность как социокультурный и прагмалингвистический феномен». С. 94–102 в *Эссе о социальной власти языка*, под ред. Людмилы Гришаевой. Воронеж: Воронежский государственный университет.
- Ярская-Смирнова, Елена и Павел Романов. 2009. «Герои и тунеядцы: иконография инвалидности в советском визуальном дискурсе». С. 289–331 в *Визуальная антропология: режимы видимости при социализме*, под ред. Елены Ярской-Смирновой и Павла Романова. М.: Вариант, ЦСПГИ.
- Ablon, Joan. 1995. "The Elephant Man' as 'Self' and 'Other': The Psychosocial Costs of a Misdiagnosis." *Social Science & Medicine* 40(11):1481–1489. [https://doi.org/10.1016/0277-9536\(94\)00356-x](https://doi.org/10.1016/0277-9536(94)00356-x).
- Andrews, Edna. 1996. "Cultural Sensitivity and Political Correctness: The Linguistic Problem of Naming." *American Speech* 71(4):389–404. <https://doi.org/10.2307/455713>.
- Barnes, Collin. 1992. *Disabling Imagery and the Media: An Exploration of the Principles for Media Representations of Disabled People*. Halifax, UK: Ryburn.
- Benedict, Ruth. 1934. "Anthropology and the Abnormal." *Journal of General Psychiatry* 10(1):59–80. <https://doi.org/10.1080/00221309.1934.9917714>.
- Bogdan, Robert. 1988. *Freak Show: Presenting Human Oddities for Amusement and Profit*. Chicago: University of Chicago Press.
- Fairclough, Norman. 2003. "Political Correctness': The Politics of Culture and Language." *Discourse and Society* 14(1):17–28. <https://doi.org/10.1177/0957926503014001927>.
- Fairclough, Norman, and Ruth Wodak. [1997] 2010. "Critical Discourse Analysis in Action." Pp. 98–111 in *Applied Linguistics Methods. A Reader: Systemic Functional Linguistics, Critical Discourse Analysis and Ethnography*, ed. by Coffin Caroline, Theresa Lillis, and Kieran O'Halloran. London: Routledge.

- Hughes, Geoffrey. 2010. *Political Correctness: A History of Semantics and Culture*. Malden, MA: Wiley-Blackwell.
- Klepikova, Anna. 2019. "Residential Care Institutions for People with Disabilities in Russia: Questioning Totality." *Journal of Social Policy Studies* 17 (3):453–464. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-3-453-464>.
- O’Keeffe, Anne. 2011. "Media and Discourse Analysis." Pp. 441–454 in *The Routledge Handbook of Discourse Analysis*, ed. by James Gee and Michael Handford. London: Routledge.
- Reid-Cunningham, Allison Ruby. 2009. "Anthropological Theories of Disability." *Journal of Human Behavior in the Social Environment* 19(1):99–111. <https://doi.org/10.1080/10911350802631644>.
- Reisigl, Martin, and Ruth Wodak. 2009. "The Discourse-Historical Approach (DHA)." Pp. 87–121 in *Methods of Critical Discourse Analysis*, ed. by Ruth Wodak and Michael Meyer, 2nd ed. London: SAGE.
- Rieser, Richard. 2004. *Disabling Imagery: A Teaching Guide to Disability and Moving Image Media*. London: Disability Equality in Education.
- Rodan, Debbie, Katie Ellis, and Pia Lebeck. 2014. *Disability, Obesity and Ageing: Popular Media Identifications*. Farnham, UK: Ashgate Publishing.
- Shakespeare, Tom. 2010. "The Social Model of Disability." Pp. 266–273 in *The Disability Studies Reader*, ed. by Lennard Davis. New York: Routledge.
- Trent, James. 1995. *Inventing the Feeble Mind: A History of Mental Retardation in the United States*. Berkeley: University of California Press.

СПИСОК ОНЛАЙН-ИСТОЧНИКОВ

- Зотова, Наталия. 2018. «"Инвалиды" – правильное слово? Как говорить, чтобы не обидеть». BBC News, 27 сентября. <https://www.bbc.com/russian/news-45667220>.
- Интерфакс. 2019. «Минтруд допустил перевод на "сопровожаемое проживание" до 45% пациентов психоневрологических интернатов». 28 марта. <https://www.interfax.ru/russia/656132>.
- Медуза. 2019. «Система ПНИ – это современный ГУЛАГ для престарелых и инвалидов». Доклад Нюты Федермессер о ситуации в российских психоневрологических интернатах. Расшифровка. 26 июня. <https://meduza.io/feature/2019/06/26/sistema-pni-eto-sovremennyy-gulag-dlya-prestarelyh-i-invalidov>.
- Медуза. 2020. «Систему психоневрологических интернатов нужно срочно реформировать: MeduzaCare объясняет, как устроены ПНИ, почему жизнь в них невыносима – и что с этим делать». 18 февраля. <https://meduza.io/feature/2020/02/18/sistemu-psihonevrologicheskikh-internatov-nuzhno-srochno-reformirovat>.
- Перспектива. 2018. «Культура общения с людьми с инвалидностью. Язык и этикет». 14 августа. <https://perspektiva-inva.ru/language-etiquette>.
- Семенов, Илья. 2020. «"В этот ад ребенок больше не попадет". Почему семьям людей с инвалидностью так нужен закон о распределенной опеке?». Такие дела, 5 августа. https://takiedela.ru/news/2020/08/05/plen-pni/?fbclid=IwAR0fp8WIm2NIrDZ1Nlt2_yXevTkSzR_ywm7Us56R1CQEmA6H281_JjuKUAU.
- Такие дела. Н.д. «Словарь "Таких дел": мы так не говорим». <https://takiedela.ru/dictionary-words/invalid>.

СПИСОК РЕПОРТАЖЕЙ

- БОБР 2017 – «Скандал в Бобровском психоневрологическом интернате – трудотерапия или принуждение?». Телеканал «Толк», 27 июля 2017 г. Видео, 4:05. <https://www.youtube.com/watch?v=IG5Mk6bJb2w>.
- БОЛ 2019 – «Специальный репортаж»: «больница особого режима». «Москва 24», 16 сентября 2019 г. Видео, 20:02. <https://www.m24.ru/shows/1/4/215679>.
- ВОР 2015 – «Поездка Андрея Воробьева в психоневрологический интернат в Орехово-Зуево». Подмосковье сегодня, 12 августа 2015 г. Видео, 10:14. <https://www.youtube.com/watch?v=jl6Qlprpb4A>.

- ГУС 2012 – «В Гусеве завершено строительство психоневрологического интерната». Информационный сайт города Гусева, 9 октября 2012 г. Видео, 1:50. <https://gusev-online.ru/news/obshestvo/2686-v-guseve-zaversheno-stroitelstvo-psihonevrologicheskogo-internata.html>.
- ЗВЕН 2017 – «Издательства над пациентами: видео из психдиспансера попало в Сеть». «Россия», 15 мая 2017 г. Видео, 3:56. <https://www.vesti.ru/doc.html?id=2888211>.
- ИБР 2019 – «Психоневрологический интернат в Ибресинском районе отмечает 60-летие». «Чувашия», 5 сентября 2019 г. Видео, 2:05. <http://mintrud.cap.ru/news/2019/09/05/psihonevrologicheskij-internat-v-ibresinskom-rajone>.
- КЕР 2018 – «Керчинский психоневрологический интернат – особая жизнь (учреждению 70 лет)». Телеканал «Керчь», ТРК «Крым-Восток», 14 ноября 2018 г. Видео, 9:32. <https://www.youtube.com/watch?v=SgNRWYBPav0>.
- КУР 2020 – «Курские дома-интернаты для пожилых и инвалидов – на карантине». Телерадиокомпания «Сейм», 23 апреля 2020 г. Видео, 1:23. <https://www.youtube.com/watch?v=beS0M6BqfKE>.
- ЛЕН 2019 – «В Ленобласти показали, как живут и работают пациенты психоневрологического интерната». «НТВ», Санкт-Петербург, 26 апреля 2019 г. Видео, 2:59. <https://www.youtube.com/watch?v=-fCVK2m3foY>.
- МОРШ 2019 – «В Моршанском районе открылись новые корпуса Психоневрологического интерната». «Новый век», 3 июня 2019 г. Видео, 2:40. <https://vvtambov.ru/news/v-morshanskom-rajone-otkrylysa-novuj-korpus-psihonevrologicheskogo-internata/2019/06/03/>.
- ОРЕХ 2018 – «50 лет Орехово-Зуевскому ПНИ». ПНИ Орехово-Зуевский, 19 марта 2018 г. Видео, 10:27. <https://www.youtube.com/watch?v=t7V1ZHKFjxs>.
- ПЕРВ 2020 – «В Первомайский психоневрологический интернат поступило новое оборудование». «Вести», Кострома, 21 января 2020 г. Видео, 3:09. <https://www.youtube.com/watch?v=ns99g0IRMgo>.
- ПЕТ 2019 – «Эксперт рассказала о жизни в психоневрологических интернатах Петербурга». Город+, 24 октября 2019 г. Видео, 16:01. <https://www.youtube.com/watch?v=b0Z5UptR5sA>.
- ПРАВ 2019 – «Право на опеку». Специальный репортаж Екатерины Сандерс. «Россия 24», 13 июля 2019 г. Видео, 20:51. <https://www.youtube.com/watch?v=lYcdWR0c1Rg>.
- ПУТ 2019 – «Путевка в ПНИ». Фильм Евгении Зобиной. Телеканал «Дождь», 16 декабря 2019 г. Видео, 1:01:11. <https://www.youtube.com/watch?v=K9JRMWUfG4>.
- ХАБ 2019 – «Строительство психоневрологического интерната». «Вести», Хабаровск, 4 июля 2019 г. Видео, 2:01. <http://vestidv.ru/news/19/07/04/27535>.
- ШИРШ 2017 – «Следком РФ по Архангельской области дал оценку происшествию в Ширшинском ПНИ». Телеканал «Регион 29», 10 ноября 2017 г. Видео, 1:04. <https://www.youtube.com/watch?v=kHjyxU9T8ss>.

RUSSIAN MEDIA DISCOURSE ABOUT PSYCHONEUROLOGICAL RESIDENTIAL-CARE INSTITUTIONS

Ekaterina Rudneva

*Ekaterina Rudneva, Institute for Linguistics, Russian Academy of Sciences;
Russian State University for the Humanities. Address for correspondence:
Institute for Linguistics RAS, Tuchkov per., 9, Saint Petersburg, 199004, Russia.
katja1985mt@yandex.ru.*

Research for this article was supported by the Russian Science Foundation grant No. 19-78-10081 "Political Correctness in Russian Language and Culture."

The author expresses gratitude to Anna Klepikova, Anna Altukhova, and Dmitriy Kolyadov for their feedback on the study at an earlier stage, as well as to the anonymous reviewers of Laboratorium for valuable comments.

Special care (psychoneurological) institutions for people with disabilities have started to draw more public attention in Russia. Some public organizations categorically oppose such asylums and produce TV reports investigating the way people are treated there and picturing these institutions as "prisons" for the innocent. Even though journalists and authorities are now forced to take more progressive ideologies into account, the discourse supporting the system of such institutions continues to be reproduced. The study aims to analyze modern discourses about such institutions and people who are isolated there. The data comprise seventeen video reports from 2012–2020. The main method is critical discourse analysis, with a particular focus on labeling people (229 cases). The main justifications behind the discourse supporting the system of special care institutions are: care about "the disadvantaged" and "the souls suffering from diseases"; "protecting" those who cannot live on their own; their "uniqueness" (which, being seemingly more politically correct, justifies isolation). The discourse opposing the system of asylums is backed and enacted by representatives of nongovernmental organizations and experts arguing that isolated people are often not ill, and shows successful "alumni" who have managed to escape from the "prison." The role of the "patients" in nearly all analyzed video reports is limited to providing short answers or being in the background, and all reports reproduce the paternalistic ideology toward isolated people, albeit to different extents. The recent years can be described as a transition period when both discourses coexist, along with compromise outlooks on the residential care institutions.

Keywords: Special Care Institutions; Media Discourse; Critical Discourse Analysis; Political Correctness; Disabilities Discourse

REFERENCES

- Ablon, Joan. 1995. "'The Elephant Man' as 'Self' and 'Other': The Psychosocial Costs of a Misdiagnosis." *Social Science & Medicine* 40(11):1481–1489. [https://doi.org/10.1016/0277-9536\(94\)00356-x](https://doi.org/10.1016/0277-9536(94)00356-x).
- Andrews, Edna. 1996. "Cultural Sensitivity and Political Correctness: The Linguistic Problem of Naming." *American Speech* 71(4):389–404. <https://doi.org/10.2307/455713>.
- Barnes, Collin. 1992. *Disabling Imagery and the Media: An Exploration of the Principles for Media Representations of Disabled People*. Halifax, UK: Ryburn.
- Benedict, Ruth. 1934. "Anthropology and the Abnormal." *Journal of General Psychiatry* 10(1):59–80. <https://doi.org/10.1080/00221309.1934.9917714>.
- Bogdan, Robert. 1988. *Freak Show: Presenting Human Oddities for Amusement and Profit*. Chicago: University of Chicago Press.
- Fairclough, Norman. 2003. "'Political Correctness': The Politics of Culture and Language." *Discourse and Society* 14(1):17–28. <https://doi.org/10.1177/0957926503014001927>.
- Fairclough, Norman. 2015. "Politicheskii diskurs v presse: Analiticheskaiia skhema." Pp. 507–526 in *Sotsiolingvistika i sotsiologiya iazyka*, ed. Nikolai Vakhtin, vol. 2. Saint Petersburg, Russia: Izdatel'stvo Evropeiskogo Universiteta v Sankt-Peterburge.
- Fairclough, Norman, and Ruth Wodak. [1997] 2010. "Critical Discourse Analysis in Action." Pp. 98–111 in *Applied Linguistics Methods. A Reader: Systemic Functional Linguistics, Critical Discourse Analysis and Ethnography*, ed. by Coffin Caroline, Theresa Lillis, and Kieran O'Halloran. London: Routledge.

- Goffman, Erving. 2019. *Total'nye instituty*. Moscow: Elementarnye formy.
- Hughes, Geoffrey. 2010. *Political Correctness: A History of Semantics and Culture*. Malden, MA: Wiley-Blackwell.
- Iarskaia-Smirnova, Elena, and Pavel Romanov. 2009. "Geroi i tuneiadtsy: Ikonografia invalidnosti v sovetskom vizual'nom diskurse." Pp. 289–331 in *Vizual'naia antropologiya: Rezhimy vidimosti pri sotsializme*, ed. Elena Iarskaia-Smirnova and Pavel Romanov. Moscow: Variant, TsSPGI.
- Klepikova, Anna. 2018. *Naverno ia durak: Antropologicheskii roman*. Saint Petersburg, Russia: Izdatel'stvo Evropeiskogo Universiteta v Sankt-Peterburge.
- Klepikova, Anna. 2019. "Residential Care Institutions for People with Disabilities in Russia: Questioning Totality." *Journal of Social Policy Studies* 17 (3):453–464. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-3-453-464>.
- Mayba, Vita. 2012. "O strukture iazyka politkorrektnosti (na primere angliiskogo i russkogo iazykov)." *Politicheskaya lingvistika* 2(40):102–108.
- O'Keefe, Anne. 2011. "Media and Discourse Analysis." Pp. 441–454 in *The Routledge Handbook of Discourse Analysis*, ed. by James Gee and Michael Handford. London: Routledge.
- Reid-Cunningham, Allison Ruby. 2009. "Anthropological Theories of Disability." *Journal of Human Behavior in the Social Environment* 19(1):99–111. <https://doi.org/10.1080/10911350802631644>.
- Reisigl, Martin, and Ruth Wodak. 2009. "The Discourse-Historical Approach (DHA)." Pp. 87–121 in *Methods of Critical Discourse Analysis*, ed. by Ruth Wodak and Michael Meyer, 2nd ed. London: SAGE.
- Rieser, Richard. 2004. *Disabling Imagery: A Teaching Guide to Disability and Moving Image Media*. London: Disability Equality in Education.
- Rodan, Debbie, Katie Ellis, and Pia Lebeck. 2014. *Disability, Obesity and Ageing: Popular Media Identifications*. Farnham, UK: Ashgate Publishing.
- Shakespeare, Tom. 2010. "The Social Model of Disability." Pp. 266–273 in *The Disability Studies Reader*, ed. by Lennard Davis. New York: Routledge.
- Trent, James. 1995. *Inventing the Feeble Mind: A History of Mental Retardation in the United States*. Berkeley: University of California Press.
- Tsurikova, Liubov'. 2001. "Politicheskaya korrektnost' kak sotsiokul'turnyi i pragmalingvisticheskii fenomen." Pp. 94–103 in *Esse o sotsial'noi vlasti iazyka*, ed. Liudmila Grishaeva. Voronezh, Russia: Voronezhskii gosudarstvennyi universitet.
- Van Dijk, Teun A. 2000. "Analiz novostei kak diskursa." Pp. 111–160 in *Iazyk. Poznanie. Kommunikatsiya*. Blagoveshchensk, Russia: BGK im. J. N. Baudouin de Courtenay.
- Van Dijk, Teun A. 2015. "Printsipy kriticheskogo analiza diskursa." Pp. 439–483 in *Sotsiolingvistika i sotsiologiya iazyka*, ed. Nikolai Vakhtin, vol. 2. Saint Petersburg, Russia: Izdatel'stvo Evropeiskogo Universiteta v Sankt-Peterburge.
- Whorf, Benjamin Lee. 1960. "Otnoshenie norm povedeniia i myshleniia k iazyku." *Novoe v lingvistike* 1:135–168.
- Zhurnal issledovaniia sotsial'noi politiki*. 2019. 17(3).